

БЛАГОДАРНОСТИ:

*Моим папе и маме, что каждый по-своему
развивал во мне веру в себя, моей жене,
что стала мне другом, моим детям —
за свет в тоннеле бытия*

*Дмитрию Хитарову и Наринэ Абгарян
за помощь и поддержку*

И всем, упомянутым в рассказах

Без всех них все это было бы невозможно

ЛИЦЕЙСКИЕ ХРОНИКИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

А был ли Лицей? Как принято сейчас говорить в соцсетях: «Меня часто спрашивают об этом».

Как точка координат на карте Москвы — безусловно. И сейчас, в несколько видоизмененном виде, его можно наблюдать на просторах юго-запада столицы.

Но лишь на энном году стоматологической практики и работы еврочиновником я понял, что это был не просто лицей. Там в нас, его учениках, сформировались — или мое воображение так рисует — основные понятия и архетипы бытия. Дружбы, любви, человеческого общежития. Именно в тех стенах со многими из нас случились первая настоящая боль утраты и первая же радость понимания.

Каждый из вполне земных, реальных людей наполнялся смыслами и подробностями, которые

в дальнейшем помогали не просто выживать, но и видеть суть происходящего. Можно с некоторой уверенностью сказать, что Лицей, при всей его оторванности от повестки тех безумных лет, смог дать нечто большее, нежели просто знания (часто неиспользуемые в дальнейшей жизни). Лицей научил нас думать. И немного фантазировать.

Кстати, о фантазии. Многие из них, прототипов героев моих историй, читали эти заметки и отзывались о них по-разному. Их высказывания содержали как полный восторг документальностью повествования, так и обвинения в полном несоответствии текста реальности.

Именно поэтому во мне родилась мысль, что эти воспоминания достойны печати.

Почти все имена изменены, совпадения — бессмысленны и жестоки.

Роберт Мамиконян

ПАМЯТИ ЮНОСТИ

Намедни один мой знакомый с беккетовской экзистенциальной безнадежностью и трагизмом девяносто девятого уровня сказал, что ищет нового садовника. Мне стало страшно.

Я ведь тоже оброс. Не волосами, но подробностями. Подробности и обстоятельства размягчают ткань бытия, оголяют канву, по которой ты идешь по жизни.

Ушел в мир иной Децл. Я никогда его не слушал. Царство небесное и светлая память. Мы были почетными сидельцами клуба «Инфинити», который, кажется, принадлежал его отцу. Убейте меня, не вспомню, какая музыка там играла, но спасибо Арчилу, я провел там много бессмысленных ночей.

Юность. До чего же хорошее время. Еще нет подозрений, что если долго бьешься головой об дверь и та не открывается, то это, возможно, не

дверь вовсе, а стена. Или, может быть, нужно не биться, а тянуть на себя. Пробьемся!

Вопросы, конечно, были, но немного. Зато ответов существовало в избытке. Любую вечную проблему можно было решить десятком разных способов.

Если к утру мы не оказывались на чьей-нибудь даче, происходило чудо. Клуб исчезал, оставались загаженные столы и диваны, полупустые стаканы с осетинским виски, две сонные уборщицы, возникающие будто из-за кулис, и кинотеатр. Да!

Клуб был в здании Киноцентра на Красной Пресне (он потом стал «Соловьем», а сейчас его и вовсе снесли). И сеансы начинались в 09:00. С семи до девяти вполне можно было покемарить на диванах — Арчила и нас в придачу знали, нежно любили и не гнали — и пойти на первый сеанс.

Так, со спящим Арчилом на одном плече и Андреем на другом, я посмотрел «О, где же ты, брат» Коэнов. По привычке — на последнем ряду. Я тоже собирался заснуть, но братья меня пленили. Навсегда.

Зрителей — только мы. Под ногами хрустит вчерашний попкорн. Где-то между креслами валяется использованный тест на беременность. Отрицательный, кстати. Хотя запаха нет, значит,

тест принесли с собой. Во мне живут внук гинеколога и дедуктивный метод.

Не протрезвевший Андрей смеется — как, мол, я разглядел результат. Сам не знаю, но близорукости еще не было, как и двадцати двух пациентов в день.

Друзья спят на мне. Я стараюсь не шевелиться, чтобы не разбудить их.

Друзья. Кажется, что они будут со мной всю жизнь. И никогда не уйдут.

Вот и 11:00 уже. Титры. Включили свет. Встаем, потягиваемся.

— Хороший фильм?

— Да. Андрей, посмотри потом. А ты, Арчил, — нет.

Он и не собирается.

При полном освещении рядом обнаруживается коробка от теста на беременность, три бутылки из-под «Хайнекена», банки из-под «Кока-колы» и «Принглс», обертка от женских прокладок. Ночью тут происходило, видимо, нечто совершенно эпическое.

Свежий воздух. Видна ограда зоопарка.

— Может, сходим? — Арчил очень любит зоопарк.

— Нет. Спать.

— И я на метро, мне прямая ветка. Тем более, Арчил за рулем — это всегда страх.

— Постой. Заберу книгу. В машине оставил. Курт Воннегут. Не ехать же пять станций без книги.

С недосыпа, что ли, такая пустая и ясная голова! И так хорош Воннегут. И так много ответов. И очевидно, что все это — двери и никаких стен.

И ничего не гложет, а должно бы. Вот только выпускные и вступительные, и... заживем.

Юность.

Лицей.

ДВЕРЬ И АНАРХИСТЫ

В первый раз мы с Розенбергом оказались в милиции по подозрению... Продолжать даже не хочется — ну, в чем можно было подозревать таких милых ребят, как мы? Мы неплохо знали органическую химию и помнили все основные пункты реформы Солона. А забрали нас по подозрению в порче двери универмага. Вот так непоэтично. Порча двери универмага. Звучит как «мастурбация в сельпо».

Проблема была в том, что люди, совершившие это злодеяние, уходя от милицейской погони, пробежали мимо нас. Поздоровавшись на бегу, они скрылись за поворотом. Это были районные анархисты, с которыми я приятельствовал. Хотя они, наверное, смутно помнили подробности наших взаимоотношений, поскольку трезвыми я их никогда не заставал.